

Марина
СЕРОВА

Тузы и их шестерки

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Тузы и их шестерки
Серия «Секретный агент Багира»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166909
Тузы и их шестерки. Дожить до завтра: Эксмо-Пресс; М.: 2000
ISBN 5-04-004995-1*

Аннотация

По данным похоронного бюро «Черный венок», в городишке Вересково с некоторых пор резко возросло количество смертей. Причем умирают не только старики, уходят из жизни и молодые люди. Среди жителей поднялась самая настоящая паника. Есть подозрения, что где-то в городе существует мощный источник радиоактивного излучения. Секретный агент Юлия Максимова по кличке Багира получила задание найти зараженный участок. Своими действиями Багира кому-то здорово помешала. Ее предупредили. Но люди, стоящие за всем этим, явно не ограничатся простыми предупреждениями...

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

45

Марина Серова

Тузы и их шестерки

* * *

Чернобыль, апрель 1986 года

Он схватил за несколько минут половину предельно допустимой дозы, и теперь его должны будут вывезти подальше от энергоблока, который взорвался всего четыре дня назад.

Волоков шел по обочине дороги и чувствовал, как сильно болит желудок. В связи со стрессом снова разыгралась язва. Он не ел уже больше пяти часов, желудочный сок разъедал ткани.

Кроме того, он был пьян. Точнее, тридцатилетний майор химических войск знал про себя, что перед тем, как идти в зону с повышенной радиацией, он выпил стакан водки и сейчас должен был чувствовать дурман в голове и вялость в конечностях. Но ничего этого не было. Огромная доза адреналина свела на нет действие алкоголя.

Его рота за три часа работы собрала полную машину радиоактивных обломков, разлетевшихся после взрыва на несколько сотен метров от эпицентра. Судя по тому, как просел выделенный им «КамАЗ», они накидали вручную около шести тонн.

Шесть тонн.

Майор остановился, закурил, посмотрел на небо. Синее, чистое. А мы здесь в дерьме по уши.

– Хорошо отработали, Дмитрий Сергеевич, – похвалил генерал, отмечая на карте очищенный сектор. – Теперь можете отправляться к месту постоянной службы. Вам должны дать отпуск. Судя по вашему индивидуальному дозиметру, вы схватили даже больше, чем ваши подчиненные. Как это случилось?

Волоков смотрел на генерала сквозь пелену водки и усталости.

– У меня двое детей, товарищ генерал, а ребята, которыми приходится командовать, еще и баб-то толком не распробовали. Просто напоролись на обломок, который фонил здорово. Я сказал, чтобы пацаны отошли, и сам, один, отнес его в машину. Мне уже можно не беспокоиться о том, что после меня никого не останется.

– Ну, вы еще молодой. – Генерал снова с удовлетворением посмотрел на отмеченный на карте зачищенный район и, почесывая безымянным пальцем неделю не мытую шею, сообщил, что у Волокова все шансы вырасти в звании и в ближайшем будущем получить под свое командование батальон.

Дмитрий Сергеевич вышел от генерала в приемную. Там он поймал собственный взгляд в зеркале и не упустил возможности внимательно рассмотреть отражение. Говорят, что после больших доз люди гниют заживо.

Он оттянул кожу на лице, осмотрел глазные яблоки, потом изучил руки. Ни ожогов, ни язв. Его не тошнит. Температура? Он пощупал рукой лоб. Да нет, температура нормальная.

Вернувшись в здание школы, где разместилась его рота, он сел за парту в одном из классов, попросив подчиненных принести ему бутылку водки, банку тушенки и хлеб. Когда все было сделано, он налил себе полный стакан, поднял его и еле слышно произнес:

– За твоё здоровье, Дмитрий Сергеевич, которое ты тут оставил.

Выпил залпом, отломил небольшой кусок черняги и долго жевал. Водка обожгла язву. Говорят, так лечат эту гадость – прижигают спиртом.

Он достал нож, открыл банку тушенки и стал есть, не замечая вкуса.

– Сможешь ли ты, Дима, после сегодняшнего жену удовлетворить?

Тарасов. Наши дни

Я сидела на работе и маялась от безделья. Последние два часа я занималась тем, что играла в тетрис, держа в руках портативную китайскую игрушку. Работы не было. То есть она, конечно, никуда не убегала, но я могла себе позволить отложить часть бумажек на завтра. Или на послезавтра.

«Как настроение будет, так и напишу», – думала я, яростно шлепая по кнопкам и укладывая одну фигурку за другой.

Зазвонил телефон. Зараза. Я уже успела подняться на четвертый уровень и знала, что если нажму на паузу и выйду из игры, то удачного возвращения не будет. Телефон снова подал голос.

Пришлось снять трубку. Нужно ли говорить, что голос мой был явно раздраженным, так как меня оторвали от игры?

– Да, – отрывисто ответила я, – комитет солдатских матерей. Юрисконсульт Максимова Юлия Сергеевна. Слушаю вас.

Общаться нам чаще всего по роду своей работы приходилось с женщинами, отправившими своих сыновей в армию, или же с военными. И той и другой категории граждан необходимо было как можно четче отвечать, потому что одни плохо соображали из-за волнения, а другие по-иному вообще не могли разговаривать.

– Будь сегодня на работе до шести вечера, – сказал человек, голос которого я не могла не узнать.

Это была единственная фраза, произнесенная им, после чего позвонивший отключился. Это был майор Суров, по прозвищу Гром. Честно говоря, я не очень обрадовалась, так как еще не успела отойти от предыдущего задания, которое мне пришлось выполнять. Надо будет в официальном порядке попросить отпуск и в Комитете солдатских матерей, и у Грома, после чего уехать куда-нибудь, чтобы никто не мог до меня добраться.

Еще вот и на работе сиди до шести часов. Все нормальные люди уйдут в пять, а я должна в шесть. А Патрикеевна глаза вытаращит и подивится моему рвению, это уж точно.

Как я и предсказывала, в пять минут шестого дверь в мой кабинет открылась, и Светлана Алексеевна, вторгшись на мою территорию, удивленно произнесла:

– Ты еще здесь?

– Немного поработаю, – сообщила я, пряча под столом электронную игрушку.

Я вела себя как маленькая школьница, но желание довести игру до конца было столь велико, что я надеялась без труда досидеть в конторе до шести. Мне просто было необходимо поставить новый рекорд. Иначе жизнь представлялась мне в черном цвете.

– Ну хорошо, – сказала моя начальница, все еще не веря собственным глазам. На столе лежали раскрытые папки, документы – все чин-чином. – Будешь уходить – не забудь включить сигнализацию.

Я шутливо отдала ей честь и ответила: «Так точно», после чего уже серьезно попрощалась с начальницей:

– Всего доброго, Светлана Алексеевна.

– Всего доброго, – ответила она, закрывая дверь.

Я подождала, пока Патрикеевна отойдет подальше от двери, а затем снова принялась играть.

Ни без пяти шесть, ни в шесть ровно ничего не произошло. Я закрыла нашу контору и вышла на улицу. Сентябрь-

ский вечер хорош тем, что еще светло и уже не жарко. После знойного лета приятно было каждый вечер окунаться в прохладу.

Не успела я пройти и ста шагов, как услышала за спиной:

– Добрый вечер, Юлия Сергеевна.

– Добрый вечер, господин майор, – ответила я еще до того, как повернулась. Я узнала его по голосу.

Гром был одет в черный костюм в едва заметную полоску, белую рубашку и цветастый галстук. Его волосы были аккуратно причесаны – в общем, мой шеф был не начальник, а просто жених.

– По вас не скажешь, что у вас был трудный день, – заметила я.

– Да ты тоже неплохо смотришься, Багира, – ответил он. – Позволите?

Гром взял меня под руку, и мы пошли по улице, как очень близкие люди.

– Поскольку я вас, сударыня, встречаю после работы, то давайте будем изображать немолодого ухажера и его даму.

Я была не против и даже заметила, что было бы неплохо отправиться, например, в ресторан.

– На посещение дорогих заведений мне денег никто не выделяет, – сухо заметил майор, – так что придется довольствоваться первой попавшейся кафешкой, где мы сможем спокойно посидеть и поговорить.

На улице было не холодно и не жарко – около пятнадцати

градусов. Прекрасная погода для того, чтобы сидеть за столиком, вынесенным прямо на тротуар, и смотреть на майора – настолько он сегодня был обаятельным, – а вот слушать его я должна была с превеликим вниманием, потому как он появился передо мной не шутки ради, а для того, чтобы дать очередное задание.

– Ну что на этот раз? – первая начала я, загребая ложкой мороженое.

– Багира, тебе Тарасов не надоел? – Майор пригубил стакан с кока-колой.

Он считал не солидным для себя пить через соломинку, поэтому первым делом выкинул трубочку и снял с бумажного стакана крышку.

– Хороший город.

– В этом я с тобой согласен. – Суров поморщился от сильно газированного напитка. – Говорят, эта дрянь пластмассу разъедает.

– Так что у вас ко мне, гражданин начальник? – Не скрывая собственной информационной жажды, я продолжала есть пломбир.

– Поедешь в Вересково. Знаешь, где это?

– Вересково? – переспросила я. – Это же здесь, в нашей области. Райцентр, кажется.

– Вот именно, райцентр. – Гром снова стал обычным серьезным начальником нашего не существующего ни в каких штатных расписаниях подразделения службы государствен-

ной безопасности с такими проблемами, о которых вслух не говорят. – Поедешь завтра. Задача у тебя, прямо скажу, не простая. Сложность заключается в том, что тебе придется выполнить большой объем работы.

Он передал мне через стол небольшой приборчик. Я взяла его в руки. Всего две кнопки, небольшой жидкокристаллический экран умещается на ладони. В углу надпись «ДП-10».

– Это именно то, на что это похоже?

«ДП» означало дозиметрический прибор, «10» – видимо, просто серия.

– Я должна буду искать атомную бомбу?

Гром снова отпил из стакана, вздохнул и передал вслед за прибором бумажку.

– Это инструкция, как им пользоваться. На тот случай, если ты не будешь в состоянии разобраться. Советую прочитать эту бумажку и запомнить предельно допустимые дозы облучения. Поедешь в Вересково и там тихо будешь искать источник радиации.

Дело в том, что из этого райцентра за последний год в больницы Тарасова поступило девять человек с поражением костного мозга и раковыми заболеваниями. Есть предположение, что в городе произошло радиоактивное заражение. Мы не можем допустить разглашения этой информации, поскольку в этом случае будет большой скандал.

Тебе нужно не только найти дрянь, которая сжигает людей, также необходимо по возможности добраться до чело-

века, который бросил смертоносную вещь где-то в Верескове.

Этот прибор обладает большой чувствительностью. Он в состоянии регистрировать природный фон, который колеблется от одиннадцати до тринадцати микрорентген в час, но с помощью его невозможно на большом расстоянии установить, откуда именно исходит радиоактивное излучение. Тебе придется исколесить город вдоль и поперек, чтобы найти радиоактивное пятно.

После того как ты обнаружишь источник радиации, тебе следует позвонить по телефону, который я написал на инструкции к прибору. Бумажку, после того как выучишь номер телефона, – сжечь.

Я посмотрела на цифры.

– Это московский номер? – Кода города указано не было.

Гром молча кивнул головой.

– У Патрикеевны возьмешь отпуск за свой счет на десять дней. Скажешь, что устала.

– А если она меня не отпустит?

– Отпустит, никуда не денется.

Почему Гром был так уверен в этом, я понятия не имела. И вообще, он своим заданием спутал мне все карты. Я на самом деле хотела уйти в отпуск.

– Задание, не буду от тебя скрывать, да, надеюсь, ты сама понимаешь, опасно для здоровья. И это далеко не курение, не алкоголь и не наркотики. Никто не знает мощности источ-

ника, и, если он окажется сильным, хватит всего нескольких минут для того, чтобы навредить собственному здоровью.

– Сколько мне заплатят за столь рискованное предприятие? – Я попыталась улыбнуться, но почему-то у меня этого не получилось, и вся улыбка съехала на сторону.

– Мы сочли возможным платить по пятьсот рублей за одни сутки командировки, и желательно уложиться в эти десять дней, так как люди начинают роптать. Есть одна журналистка, – при этом слове Суров поморщился, – некая Мария Ленская. По нашим данным, она твоего возраста, рост сто шестьдесят, полновата, волосы русые, длинные. Упряма, как баран. Живет и работает в Верескове. Состоит в штате местной газеты, которая еще с тех времен не поменяла название «Красный колхозник» на что-нибудь более актуальное. Тираж у нее три тысячи экземпляров, что для районного центра вполне неплохо. По нашим сведениям, газета хорошо раскупается и влияет на умы местных граждан.

Так вот, эта Ленская узнала о случаях заболевания раком и сейчас пытается проводить собственное расследование. Два дня назад главный редактор газеты пригрозил ей увольнением. Это было сделано для того, чтобы она не вытащила всю эту грязь наружу. Согласен, государственные органы проглядели эту ситуацию, но тем не менее шум нам не нужен. Она не слишком здорово копает, просто от недели к неделе приводит какие-то фантастические данные о количестве заболевших, которые превышают реальные цифры в

несколько раз. Этим самым просто поддерживается тираж издания, и газету хорошо берут. Тот же главный редактор, пока ему наши органы не указали на несоответствие данных, приводимых в газете, смотрел на деятельность Ленской сквозь пальцы, так как за счет ее материалов тираж моментально расходился, а что сейчас еще нужно газетчикам?

Не исключено, что ты столкнешься с Ленской, так как отправляешься в этот город не частным образом, а с легендой. Будешь представлять областной Комитет по охране окружающей среды. Вот тебе соответствующий документ, – вслед за дозиметром и инструкцией к нему я получила зеленую книжечку с гербом России. – Эта журналистка, Ленская, послала письмо в администрацию области, подписанное доброй сотней человек, в котором она требует, чтобы разобрались с экологической ситуацией в городе. У нас хоть и демократия, но, насколько я знаю, правительство области не собиралось реагировать на запрос. По нашим каналам мы должны сделать проверку. Письмо будет объяснять твое появление в городе.

Я рассматривала удостоверение – двуглавый орел с золотым тиснением. Весьма симпатично.

– Этот документ должен открыть тебе любые двери. На том уровне будешь получать полное содействие. Председатель райисполкома Федотов уже извещен о том, что к нему из Тарасова выезжает представитель, который будет заниматься составлением отчета об экологической обстановке в горо-

де. Когда ты доберешься до своего дома, то около подъезда обнаружишь «ВАЗ-2108», я передаю его тебе во временное пользование. Машину желательно вернуть в том же состоянии. Вот ключи.

Я забрала ключ и брелок с сигнализацией.

– Деньги забыли.

– Не забыл, – ответил он, вынимая банковскую упаковку с пятидесятирублевками. – Держи. В случае удачного завершения этой операции получишь еще столько же. Это немного, но, во всяком случае, пули над твоей головой свистеть не будут.

– Не должны, – поправила я. – Давайте не загадывать наперед. Что-то я не помню, чтобы меня посылали на задание, которое бы мне приходилось выполнять без перспективы словить немного свинца.

– Права, права, – тут же согласился майор, – но кому-то же надо делать эту работу.

– Я знаю. – Вдох у меня получился, наверное, слишком тяжелым, так как Гром посмотрел на меня с сомнением: справлюсь ли я с этим делом?

– Ты что, устала?

– Устала, – ответила я. – И что теперь? Кто будет жалеть бедную женщину? Я, товарищ майор, все отработаю.

Взяла деньги, прямо за столом разорвала пачку и отдала ему обратно бумажки от упаковки. Достала из сумочки резинку и перетянула ею деньги.

– Так удобнее.

Взглянув на купюры, я увидела, что резинка, дважды накрученная на пачку денег, переплелась восьмеркой. Замкнутый круг. Если восьмерку повернуть в плоскости, то получится знак бесконечности. Что это, бесконечная история? Дело покажет.

– Больше ко мне ничего нет?

Гром допил кока-колу и поставил пустой стакан на стол.

– Я пойду, Багира. Постарайся сделать эту работу побыстрее, и, так и быть, дам тебе отпуск.

– Вот спасибо, – поблагодарила я. – Буду жить только надеждой на отдых.

– Завтра сразу поезжай к председателю райисполкома. Он встретит тебя как надо. У него есть парочка предприятий, которые сбрасывают много дерьма в местную речушку, поэтому, думаю, тебя там будут умасливать весьма прилично.

– Может, и подарки преподнесут. – Я закатила глаза, предвкушая удовольствие от огромных коробок конфет.

– Пусть что хотят, то и делают, это их проблема. Твоя задача – найти источник радиоактивного заражения и позвонить по телефону в Москву. Установишь, кто хозяин этой гадости, – будешь умницей. Счастливо, Юлия Сергеевна.

Он ушел, оставив меня за столиком одну. Солнышко готовилось уйти за горизонт, на улице включили фонари, а я сидела и потихоньку доскребала ложкой остатки пломбира. Снова моя жизнь изменится через несколько часов. Ну что

ж, мне к этому не привыкать.

Доев мороженое, я пошла домой, убеждая себя, что теперь мне следует хорошенько выспаться. Потому что, как показывает практика, во время выполнения задания много не подрыхнешь.

Подойдя к дому, я увидела во дворе на небольшой стоянке три «жигуленка», и какой из них мой – я понятия не имела.

Остановившись в задумчивости, вытащила брелок с сигнализацией. На нажатие кнопки, снимающей защиту, откликнулась зелененькая, которая стояла левее.

– Ты мне сразу понравилась, – пробормотала я, решив осмотреть бардачок и багажник. После чего проверить, работает двигатель или нет.

Я уселась на место водителя. В бардачке ничего не было. Судя по всему, машина была новенькая, так как ни царапин, ни каких-нибудь пятен я не обнаружила. Невозможно подержанную машину вычистить с такой тщательностью. Оставшись довольной салоном, я встала, открыла багажник. Увидела, что внизу лежат запаска, домкрат, насос и набор инструментов.

– Стоп. А где же доверенность? Майор мне ничего не давал. Забыл? Ты сама-то веришь, что Гром может что-то забыть? Как я буду разъезжать?

Я снова уселась за руль, еще раз все осмотрела, потом вставила ключ в замок зажигания и попробовала завести двигатель. Машина ожила.

– Отлично.

Судя по приборам, бак был полон, и я могла отправляться хоть сию минуту. Только где доверенность, черт подери!

– Неужели Суров не подумал о документах?

Я провозилась около двадцати минут, обыскивая машину, после этого пошла к себе.

По привычке заглянула в почтовый ящик, где обнаружила конверт, на котором ничего не было написано. Немедленно вскрыв его, нашла там доверенность на собственное имя от владельца машины, некоего Мосягина Вадима Григорьевича.

Мне-то все равно от кого, лишь бы ездить можно было. Документы теперь у меня были в порядке. Просто гора с плеч. А то я уже начала думать, что мне придется ехать в Вересково на общественном транспорте. И по городу перемещаться неизвестно каким образом.

Утром я отыскала в своем гардеробе зеленый деловой костюм и к нему зеленый с синими прожилками шелковый шарфик. Получилось весьма недурно. Буду вся такая зеленая выходить из зеленой «восьмерки», предъявлять зеленую книжку и представлять буду тоже зеленых.

От Тарасова до Верескова путь был неблизкий. Мне предстояло проехать около двухсот километров, прежде чем я попала бы в этот райцентр. Гнать на новом «ВАЗ-2108» было приятно. Машина шустро срывалась с места, а когда я выехала на трассу, то не составило никакого труда развивать

скорость до 120—130 километров в час. Не ехала – летела.

Здание местной администрации нашла быстро. Дорога, идущая от Тарасова, практически упиралась в большое четырехэтажное здание, которое в прежние времена наверняка было райкомом КПСС. Да и районом скорее всего бессменно продолжал руководить бывший партаппаратчик.

Председатель райисполкома, некто Федотов Борис Всеволодович, занимал половину третьего этажа. Во всяком случае, так сказала мне вахтерша, которая сидела на входе. Никакой милиции я у здания не увидела, что свидетельствовало или о беспечности властей, или о постоянно спокойной и вяло текущей жизни одного из тысяч городков в России.

Поднявшись по ступенькам местного дворца, я наконец добралась до третьего этажа. Вошла в приемную председателя, где меня встретила мордатая и грудастая особа лет двадцати пяти. В приемной уже сидел один мужчина в потертых джинсах и старом свитере с нашитыми кожаными налокотниками.

Он похотливо оглядел меня, но я не стала обращать внимание на его скуластую, черноглазую физиономию.

– Вы? – с вопросительной интонацией секретарша встала со своего места и хотела было спросить меня, по какому вопросу я пожаловала.

Не дожидаясь каких-либо еще фраз с ее стороны, я вытащила удостоверение и протянула ей. Ознакомившись с документом, она вернула его обратно и сообщила, что сейчас

доложит обо мне Борису Всеволодовичу.

– Так ты же говорила, что он занят? – подал голос мужчина, вскакивая со своего места.

– А вы посидите, – ответила обладательница больших грудей и переследовала в кабинет хозяина.

Не прошло и пяти секунд, как она вылетела обратно и чуть ли не шепотом попросила меня пройти. Видимо, босс ее здорово шуганул за то, что она не торопится препроводить к нему очень дорогого для председателя райисполкома человека, то есть меня.

Я перешагнула через порог и была вынуждена сфокусировать свои глаза на человеке, находившемся от меня не менее чем в пятнадцати метрах. Огромный кабинет, где размещался не только рабочий стол председателя, но и большое, овальной формы мебельное чудо, за которым могли сидеть человек двадцать–двадцать пять.

«Наверное, здесь в основном не хозяйственные вопросы обсуждают, а едят», – почему-то подумала я, цокая по паркетному полу, залитому толстым слоем лака.

– Здравствуйте, здравствуйте, ждем со вчерашнего дня. – Из-за стола навстречу мне поднялся мужчина лет пятидесяти пяти с минимумом седых волос на голове и средних размеров животиком.

Его круглая покрасневшая физиономия с серыми глазами, пышными усами и мясистым носом изучала меня сверху вниз и обратно. В кабинете стоял запах табака. Хозяин

курил.

Он протянул мне руку, и я пожала ее.

– Юлия Сергеевна.

– Борис Всеволодович, – представился он в ответ. – Как доехали, Юлия Сергеевна?

– Нормально, – отмахнулась я, – трасса хорошая.

– Когда хотите приступить к работе?

– Я уже начала работать, – ответила я, – а где я буду жить?

– Уже все готово, – доложил Борис Всеволодович. – У нас здесь есть гостиница. Она находится в соседнем доме. Вам нужно пройти по улице всего сто метров, подняться на третий этаж, где для вас приготовлен номер.

– Я вам очень благодарна. – Я подошла к окну и полюбовалась видом. – Я здесь пробуду десять дней и надеюсь, что моей работе никто не будет мешать.

– Конечно, конечно, – егозил Федотов.

Он был на полголовы выше меня, но в данный момент, как ни крути, я смотрела на него сверху вниз, а не наоборот.

– Может быть, начнете работать завтра, а сегодня отдохнете?

– Отдохнуть мне действительно не помешает. У вас карта есть?

– Карта? – переспросил он, соображая. – Карту города вы имеете в виду?

– Именно, – согласилась я.

– Есть, а как же. – Он пошел к шкафам, стоящим в ком-

нате, и стал открывать их один за другим.

Везде были или документы, или книги, причем, как я заметила, в основном сборники законов и книги по экономике и праву.

— Куда же я их задевал-то?.. — недоумевал Борис Всеволодович, открывая очередной шкаф.

Вскоре я увидела рулоны белой бумаги.

— Нашел! — радостно воскликнул председатель, бросая на большой овальный стол кучу карт. — Сколько вам штук?

Я ответила, что мне хватит и двух. Он с услужливым видом передал мне два экземпляра, после чего остальные убрал на место.

— Вы должны составить отчет? — чуть ли не шепотом спросил он.

Я ответила утвердительно.

— Надеюсь, наш город не попадет в разряд тех, где, по мнению экологов, невозможно жить?

— А почему вы так беспокоитесь? Воздух чистый. Дышится здесь намного легче, чем в Тарасове.

— Да, воздух у нас хороший, — подтвердил председатель. — Поэтому мне и непонятно, почему человек из правительства пожаловал в наше захолустье?

Хочет знать, что я здесь делаю. Официально. Ни с того ни с сего комиссии не ездят.

— Люди жалуются, — уклончиво ответила я.

— Кто?! — не выдержал он.

Федотову я дала взглядом понять, что он зарывается.

— Ну хорошо. Если появятся какие-нибудь вопросы, обращайтесь напрямую ко мне. Может быть, чаю?

— Нет, пожалуй, я пойду и посмотрю, где мне предстоит ночевать девять ночей.

Я попрощалась с пузатым, лысым и курящим Борисом Всеволодовичем, кивнула головой на прощание мордатой секретарше и пошла в гостиницу. Соседнее здание, в отличие от райисполкома, было победнее. Во всяком случае, гранитом здесь фасад не отделывали. И тем не менее дом был недавно покрашен, а тротуар и бордюр — целые, что само по себе было хорошо. Значит, средства находили.

Я вошла в единственный подъезд пятиэтажного дома, который, впрочем, был ниже четырехэтажного здания райисполкома. Здесь меня уже ждали. Видимо, был сделан соответствующий звонок, так как комендант гостиницы, а скорее всего это было общежитие, представилась мне лично.

Эту женщину я не назвала бы стройной, но в свои пятьдесят она сохранила некий намек на талию. Для русской провинции это вещь весьма редкая.

Комендантша сама открыла передо мной дверь номера, отдала ключи.

Я взяла ключи, поблагодарила за сопровождение и вошла в триста седьмой. Свет включать не пришлось. Дневного света было достаточно для того, чтобы я могла рассмотреть свое новое жилище во всех подробностях. Первое, что бросилось

в глаза, — букет цветов, стоящий на столе. Не поскупились на розы. Ну что ж, очень даже хорошо.

Я прошла на кухню, где была современная плита, несколько шкафчиков, висящих на стене, небольшой холодильник и стол с двумя табуретками.

Открыв «Орск», я увидела бутылку шампанского, банку икры, колбасу, сыр и масло. Встречали меня, судя по всему, со всеми почестями. Вернувшись в комнату, я подошла к полутораспальной кровати и отвернула покрывало. Белье не просто чистое, а новое. Ну что ж, меня пытаются ублажить, чтобы я написала хороший отчет. Интересно, кто это все финансирует? Бюджет района или же средства берутся со счетов предприятий, активно загрязняющих окружающую среду?

Я выложила на стол карту города, которую позаимствовала у Федотова, и принялась рассматривать Вересково с высоты птичьего полета. Это был небольшой городок. Я насчитала десяток протяженных улиц, а остальные были длиной всего с километр, а то и меньше. Население города составляло немногим более пятидесяти тысяч человек, все его жители умещались на одном квадратном метре бумаги, где в одном сантиметре было пятьдесят метров.

После недолгих расчетов я прикинула, что на этой карте отображена площадь в двадцать пять квадратных километров. Все Вересково без труда размещалось на карте, а кроме того, оставалось еще место для недалеких окраин. Названия

улиц и номера некоторых домов были проставлены на самой карте, что было весьма удобно.

Я пошла на кухню и заварила себе чай. Затем, уже с чашкой, вернулась в комнату и продолжила изучать карту. Мне необходимо было позаботиться о том, чтобы собственная легенда не вызвала никаких замечаний и вопросов. Я должна была каждый день инспектировать какой-нибудь объект.

Время час дня. Не упускать же возможность покататься по городу, тем более что у меня под окном стоит новенькая «восьмерка».

Я спустилась вниз, села в машину и положила на соседнее сиденье дозиметр. В этот миниатюрный прибор была встроена весьма полезная штучка. Когда уровень радиации превышал допустимый на пять процентов, раздавался звуковой сигнал.

Естественно, меня интересовало любое изменение, которое будет выше природного фона, то есть тринадцати микро-рентген. Я решила ехать по городу медленно для того, чтобы прибор смог уловить даже небольшие изменения.

Поездка со скоростью двадцать пять–тридцать километров в час даст результат в том случае, если источник радиации будет мощным и если он находится не в центре частного сектора, который занимал примерно половину всей территории города, а непосредственно около дороги.

Настраивая себя на то, что мне придется прокататься впустую, так как на быстрый успех рассчитывать не приходи-

лось, я выехала на одну из центральных улиц города, которая фактически являлась продолжением трассы, идущей из Тарасова.

Насколько я знала, транзитному транспорту было не обязательно въезжать в Вересково, и машины обходили этот город стороной, в результате чего загазованность здесь была минимальной. Улица носила название Церковной, что было весьма странно. Непонятно, как она пережила весь коммунистический режим?

Я проехала от здания райисполкома около четырехсот метров, прежде чем увидела храм, который, в противовес бывшему зданию райкома партии, не травмировал души, а лечил их.

Храм, построенный еще до революции, стоял на небольшой возвышенности, в результате чего его было видно практически с любой точки города. Миновав его, я начала спускаться вниз по Церковной.

В глаза бросалась чистота улиц, что свидетельствовало о работе, которую проводило муниципальное управление. Только вот в этом чистом месте что-то уж часто стали болеть люди.

Неожиданно навстречу мне попался автобус с черной полосой. Я посмотрела в зеркало заднего вида. Автобус остановился, и из него стали выходить пожилые мужчины и женщины.

Приехали с кладбища.

Я притормозила. Развернулась и подъехала к людям, которые потихоньку заходили в подъезд одного из серых трехэтажных домов. Я вышла из машины и, дожидаясь, пока все родственники покойного или покойной выйдут из автобуса, подошла к водителю, стоявшему на улице.

– Кого хоронили? – спросила я.

Он молча пожал плечами.

– Мужик какой-то, лет тридцать пять, молодой еще, а уже туда, – при этом он показал глазами на небо.

– И много у вас...

Я осеклась на полуслове. Он поспешил меня переспросить:

– Что?

– Да ничего, ничего, – ответила я, отступая. – Не подскажите, где ваша контора находится?

Повернувшись к автобусу, я прочитала на лобовом стекле:

– «Черный венок». Где это?

– Вы что, тоже собрались? – осведомился он, после чего затаился сигаретой.

– Нет, повременю. Так как мне проехать?

– Сейчас по Церковной вниз, пересечете одну улицу, на следующей повернете направо и проедете квартал. Увидите вывеску. Двухэтажное желтое здание. Мимо не проедете.

Я поблагодарила водителя и отправилась в похоронное бюро. Контора располагалась на первом этаже и занимала всего две комнаты. Меня встретила женщина с дежурной

скорбью на лице.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Здравствуйте. Что вы хотели?

Она, наверно, поняла по моему виду, что у меня из родственников никто не умер.

– Я представляю областной Комитет по охране окружающей среды. – Я показала ей удостоверение. – Понимаете, мне необходимо написать отчет об экологической обстановке в городе. Я подумала, что вы мне в этом можете помочь.

Женщина, одетая в черную юбку и черную кофту, нахмурилась, пытаясь сообразить, что мне от нее нужно.

– Не подскажете, много ли у вас работы в последнее время? Как, бизнес процветает?

– Об этом вам лучше говорить не со мной, а с директором, – сказала принимающая посетителей дама. – Пройдите. – Она кивнула на обитую кожзаменителем дверь. – Евгений Павлович.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Директор оказался жирным дядькой с всклокоченными волосами, обвислыми усами, длинной и спутавшейся густой бородищей. Он был похож скорее на раскормленного дьякона, нежели на директора предприятия. Я представилась, снова показала свое удостоверение и задала вопрос, касающийся его бизнеса.

– Вас интересует точная статистика? – прищулив черный глаз, спросил Евгений Павлович.

– Если вы считаете возможным дать мне эти цифры, то я была бы вам весьма благодарна. В городе подобное предприятие одно?

– Да, можно обращаться в антимонопольный комитет, – утвердительно ответил на мой вопрос директор.

Он встал из-за стола, и я увидела, что на его сиреновом галстуке проступает небольшое белое пятно. Фу, какая гадость! Мужик за собою явно не следил. Тем временем директор подошел к небольшому комоду, который был приспособлен под хранилище документов.

Выдвинув второй сверху огромный ящик, он достал из него толстенную книгу и с ней вернулся к столу. Послунявив палец, дошел до страницы, где была сделана последняя запись. Нахмурился, затем залез в конец тома и пробормотал:

– Так... статистика. С ноября месяца прошлого года усопших у нас становится все больше и больше. Ежемесячная прибавка в среднем на пять-шесть человек... Последние два месяца – на десять. Как видим, идет неуклонный рост.

– Чем вы можете это объяснить?

– Не знаю. Вы не читали статью в «Красном колхознике»? Наша корреспондентка, Мария Ленская, задается вопросом, почему мы все умираем.

Я смотрела на него и видела, что этот человек отнюдь не рад тому, что его бизнес неуклонно расширяется.

– Вы не видите на моем лице оптимизма? По-вашему, я должен был бы потирать руки? Но, если так пойдет и дальше,

то через пару лет в городе некого будет хоронить. Думаю, и ваш приезд сюда не случаен. За август у нас умерло сто сорок три человека.

– Среди них много молодых?

– Молодые попадают все чаще, – согласился Евгений Павлович. – Да и стариков стало больше умирать. Не знаю, что случилось. У меня у самого не так давно умерла мать. Хотя год назад мне казалось, что она проживет еще десяти-другой лет. Рак – банально и в то же время ужасно.

– Для вас уже онкологические заболевания стали банальностью? – переспросила я.

– Да, веселого мало.

– Спасибо вам за статистические данные, я это непременно учту. Могу я вас попросить, Евгений Павлович, дать мне кого-нибудь, кто отметил бы дома, в которых умирали люди?

Я вытащила из сумочки карту города и развернула ее.

– Это около тысячи адресов, – тут же прикинул бородатый директор. – Знаете, вряд ли я смогу вам выделить для этой цели людей. Мы здесь разжились компьютером, и, в принципе, я мог бы дать вам дискетку, но у вас есть, где просмотреть?

Я развела руками.

– А не могли бы вы мне распечатать все адреса?

Директор закатил глаза.

– Сейчас так возросло количество вызовов, у меня люди очень напряженно работают. Вряд ли я буду в состоянии...

– Вряд ли у вас будет возможность спокойно работать. Не хотите познакомиться с моим очень хорошим знакомым? Он налоговый инспектор.

Запаршивевший дядька посмотрел на часы, с шумом втянул носом воздух, потом сказал, что полчаса времени он найдет.

Лазерный принтер выдал мне пачку листов с адресами. Я забрала бумаги и поблагодарила директора за содействие.

– Знаете, вы только что забрали весьма конфиденциальные данные, но я близко знаком с Борисом Всеволодовичем, и он говорил о том, что должен приехать человек, который будет составлять отчет об экологической обстановке в нашем городе. И справка об уровне смертности – вещь естественная. Надеюсь, что вы не станете использовать эту информацию в официальном документе?

– Я ничего не могу обещать, – неопределенно ответила я, сворачивая бумаги и запихивая их в сумочку. – А ваша близкая дружба с Федотовым позволила вам стать монополистом. Не так ли?

Он улыбался в бороду и едва заметно утвердительно кивал головой.

– Поменьше вам работы, – пожелала я на прощание.

Сев в машину, я решила еще покататься по городу, рассчитывая на то, что «ДП-10» все-таки подаст голос. И в то же время мне не терпелось сесть за стол, выискивать по карте названия улиц и ставить ручкой крестики на тех домах, где

были зарегистрированы случаи смерти.

Я предполагала, что после того, как эта рутинная работа будет проведена, обозначится некий район, где людей умирает больше, и я смогу определить примерное местонахождение источника радиации. Пока я колесила по улицам, мне пришло в голову, что во время работы с картой надо отбросить все смертные случаи с людьми старше шестидесяти, так как здесь есть большая вероятность, что человек умер не от рака, а по какой-либо иной причине.

Остановившись, для того чтобы сориентироваться, куда меня занесло, я увидела по карте, что совсем недалеко от меня находится редакция газеты «Красный колхозник». Сама карта была отпечатана в прошлом году, что свидетельствовало о большой точности. Делали ее толково, обозначили практически все учреждения Верескова, начиная от администрации и заканчивая детскими садами.

Познакомиться с этой корреспонденткой? Надо. В конечном счете письмо писала именно она.

Я поднялась на второй этаж деревянного гнилого дома и увидела на обшарпанной двери табличку с надписью «Главная редакция газеты „Красный колхозник“», толкнула незапертую дверь и попала в большую комнату, где сидели четыре человека: двое мужчин и две женщины.

– Могу я поговорить с Ленской? – спросила я у всех сразу.

– А вы кто? – Одна из женщин отвернулась от компьютера, и я вспомнила описание, которое мне дал Гром.

– Я из Комитета по охране окружающей среды.

Моя ровесница встала со своего места и поспешила подойти и протянуть руку.

– Я – Мария Ленская. А вы? – спросила она меня в свою очередь.

Я пригласила ее выйти из комнаты в коридор. Русые длинные волосы Марии были заплетены в косу, которая сейчас лежала на груди. Когда мы очутились за дверью, я протянула ей удостоверение. Мария с интересом рассмотрела документ, отдала мне и сказала, одновременно кивая головой:

– Очень приятно, Юлия Сергеевна.

– Я знаю о ваших статьях, которые вы печатали в газете. Честно говоря, я их не читала, но слышала о том, что вы очень озабочены тем, что увеличилось количество заболевших раком. Кроме того, вы писали письмо в область.

– Дошло? – все еще не могла поверить она.

– Как видите. С чем вы связываете увеличение количества онкологических заболеваний?

Она неожиданно, несколько по-мужски, заложила руки за спину, нахмурила брови, и тут я вспомнила замечание Сурова о том, что корреспондентка весьма упряма. Так это и было на самом деле. С первых минут общения мне стало ясно, что эта дама будет упрямо доказывать даже то, чего не существует.

– Я считаю, что в этом виноват завод, который здесь построили итальянцы.

– Вот как. И что это за предприятие?

– Я удивлена, что вы об этом ничего не слышали, – съязвила Ленская. – Два года назад концерн «Роситалпластмасса», есть такой, начал строить у нас завод по производству всяких домашних мелочей: совков, горшков, ну и всего прочего. Они очень быстро закончили это строительство, уверяя, что производство будет экологически чистым. Но на самом деле все далеко не так гладко, как нам, то есть жителям Верескова, хотелось бы. Во-первых, поставили трубу, правда небольшую, не такую, как у котельной, но все равно из нее постоянно идет белый дым, который наверняка не безвреден. Затем с этого предприятия сделали отвод прямо в реку. Что туда сбрасывают, мы не знаем. Но дело в том, что наша речушка Северная протекает по окраине города, а завод стоит выше по реке. Соответственно, вся зараза проплывает мимо нас. И, между прочим, в этой реке купаются наши дети, и из нее же идет и водозабор. А водозабор опять же стоит ниже по течению, чем этот завод. Я просто уверена, что вся вода, которую потребляет город, загрязнена этим заводом.

– Вы упоминаете об этом предприятии в ваших статьях?

– А как же, – взвилась корреспондентка. – Вы что же думаете, я буду печатать отсебятину? Ни в коем случае! Все проверено.

– Что, и цифры о количестве больных?

Этот вопрос ей не понравился.

– Ну откуда же я буду знать реальные цифры? Кто мне

скажет? Я вижу, что происходит с моими соседями, знакомыми, со мной, наконец.

– А что с вами происходит?

– Со мной? – Она скрестила руки на груди, прижимая толстую косу. – Со мной ничего. Пока ничего, слава богу. Но люди умирают.

– Хорошо... У вас есть результаты химического анализа воды, взятой из реки?

– Нет. Зачем?

– А вам не кажется, что эту истерию нужно прекратить?

– Я не понимаю, – возмутилась она. – Вы сюда приехали проконтролировать экологическую обстановку или же угрожать меня перестать писать правду?

– А в чем заключается ваша правда? В том, что завод, который производит бытовую утварь, загрязняет воду в реке? А если при проверке выяснится, что это не соответствует действительности?

– Как же не соответствует? – снова возразила мне пухленькая Ленская. – Это так и есть. Меня даже на территорию предприятия не пустили, и со мной не стал никто разговаривать. И именно это говорит о том, что на предприятии незамкнутый технологический цикл. Вы меня понимаете? Идет сброс ядов в реку. Все это токсично. И все это оказывает негативное влияние на здоровье наших жителей. Мы должны закрыть этот завод.

– Вы обиделись на руководство предприятия, которое не

пустило вас на территорию и отомстили им, опубликовав статью, не так ли?

– Это мое право. Право журналиста!

Провинциальный фанатик борьбы за право совать свой нос в любую нору. Жаль ее...

– Подождите, подождите. – Я попыталась ее успокоить, перекрыть хотя бы на время фонтан эмоций. – Вот что я вам могу предложить. Давайте мы вместе с вами попытаемся установить, загрязняет ли совместное итальянско-российское предприятие окружающую среду или нет? Думаю, что с моим документом нас пропустят на территорию, и мы сможем познакомиться со всем технологическим процессом.

– Почему бы вам не взять пробу из реки и не сделать соответствующие анализы? Вы что, приехали без оборудования?

Мне нужно было найти какой-то ответ на вполне резонный вопрос. Гром не собирался снабжать меня портативной лабораторией для того, чтобы я здесь на самом деле брала пробу воды и почвы.

– Вы знаете, нас не очень хорошо финансируют. – Я начала рассказывать басню. – Для того чтобы проводить дорогостоящие анализы, необходимо иметь на руках какие-то факты. А для простых сгодится оборудование обычной санэпидстанции. Надеюсь, у вас имеется такая структура?

– Да, конечно. – Ее голос был наполнен сарказмом. – Там одна старая бабка, которой уже лет семьдесят, да и она не собирается ничего делать. Просто сидит и получает за свою

работу денежки из местного бюджета. Вы думаете, тут кто-либо заинтересован в развитии санитарно-эпидемиологического надзора? Мы можем здесь все, как мухи, передохнуть, и никто палец о палец не ударит, включая нашего многоуважаемого господина Федотова.

– Откуда вы взяли информацию об участившихся случаях заболевания раком?

– Откуда? – Она развела руками. – Да кого ни спроси, у кого-нибудь родственник или знакомый погибается. Вот откуда информация. У нас в городе пятьдесят три тысячи жителей. Это тьфу! Знаем друг друга в лицо.

При этом она отвернулась в сторону. Затем снова уставилась на меня исподлобья.

– Вы думаете, мне кто-нибудь даст реальные цифры?

С этой женщиной было все ясно. Она, похоже, постоянно находилась в состоянии легкой истерии, и не важно при этом, по какому поводу выплескивались эмоции. Лишь бы что-нибудь выплескивать и лишь бы чем-то возмущаться. Хотя в этот раз Ленская била в точку, но, похоже, даже и не подозревала об этом. Брать такого товарища себе в помощники я не хотела и уже пожалела о том, что пригласила ее на совместную инспекцию. Она тем временем и не собиралась забывать о моем предложении.

– Так когда вы намерены наведаться к итальянцам?

– Знаете, – я собиралась по-тихому смотать удочки, – мне необходимо время, чтобы осмотреться в вашем городе, и я

думаю, что сообщу об этом через день-два.

— Ну-ну, а мне надо работать. — Резкость ее слов была поистине мужской. — Завтра выходит наш очередной номер, и мне нужно подготовить материал. Без моей статьи газета будет плохо продаваться.

Последние слова были произнесены столь уверенно, что диагноз я ей поставила окончательный: дамочка весьма недалекая.

Можно было как угодно относиться к самой журналистке, но разговор с ней дал мне информацию о заводе. Я села в машину и стала внимательно рассматривать карту. Вдоль речки Северной никакого завода обозначено не было. Значит, его построили позже, нежели была отдана в печать карта города Верескова.

«Выше по реке». Я вспомнила слова журналистки и провела пальцем по голубой ленте в верхней части карты. Где-то в районе хлебозавода должен был находиться и цех по производству пластмассовых изделий. После этого стала искать по карте, где же находится упомянутая в беседе с Ленской санэпидстанция.

Как и ожидалось, данное учреждение, которое при правильно поставленной работе может притянуть к ответу любую организацию за явные нарушения санитарных норм и даже закрыть, находилось рядом со зданием администрации города, и туда я собралась направиться, к тому же это было совсем недалеко от моего нынешнего места жительства.

Санэпидстанция занимала несколько комнат на первом этаже здания, чье основное назначение было гордо обозначено на табличке, прибитой к дереву. «Дом культуры», – прочитала я. Рабочий день уже подходил к концу, была половина пятого вечера, когда я позвонила в дверь, на которой были мелом выведены три крупные буквы «СЭС».

Мне никто не открыл. Пришлось попытку повторить. Наконец в дверях появилась старушка с коричневой сумкой в руках. По всему было видно, что она собралась уходить, что и подтвердили ее слова, которые она произнесла:

– Сегодня больше не работаю. Приходите завтра.

– Завтра я никак не могу, – возразила я, вытаскивая книжку.

На лице бабки появилось легкое смятение. Она поставила кошелку на пол, перешагнула через порог, не желая все еще впускать меня в свои владения, и, вытерев руки о юбку, протянула руки за документом. Я отдала удостоверение, и она стала читать, что написано у меня в документе. Хмыкнув, она протянула мне удостоверение обратно.

– Завтра, – более услужливо повторила она. – К девяти часам приходите. А сегодня мне надо идти.

– Вы, наверное, плохо прочитали, что там написано? – Я была не склонна потакать чисто российскому нежеланию работать. – Вы, должно быть, неплохо устроились, если учесть пенсию и плюс еще оклад. Может быть, пора освободить свое место для более молодых и энергичных?

Старуха перестала звенеть связкой ключей, одним из которых она собиралась закрыть дверь, и посмотрела на меня. Ее цепкие, умудренные жизненным опытом глаза рассматривали меня, оценивая, шучу я или всерьез? Я постаралась, чтобы на моем лице не было и тени блефа. Все должно было выглядеть абсолютно серьезно, чинно, спокойно, без малейшего намека на игру.

– Мне надо внука из садика забрать, – уже оправдываясь, сообщила бабка.

– Мы можем поговорить и по дороге, – предложила я. – Мне нет необходимости сидеть вместе с вами за столом, заваленным бумагами.

– Это хорошо, – тут же с облегчением сообщила старуха. – Вас Юлей зовут?

– Юлия Сергеевна. Так будет более корректно.

– Лидия Федоровна, – устало представилась она. – Вот уже тридцать лет бессменный руководитель местной санэпидстанции.

– Я хотела вам задать несколько вопросов об экологической обстановке. Кому, как не вам, быть осведомленной обо всех источниках загрязнения окружающей среды.

Мы вышли на улицу и пошли по частному сектору. Я не знала, далеко ли нам идти, но меня это сейчас мало волновало. Главное – разговор с Лидией Федоровной. А куда она там шла – это вопрос двадцать пятый. В принципе, я и сама была не прочь прогуляться после долгого сидения за рулем.

– Что вы мне можете сказать о заводе, который построили итальянцы?

Директор СЭС смотрела все больше вперед или себе под ноги, в мою сторону голову не поворачивала.

– Итальянский завод? – переспросила она. – Да ничего не могу сказать. Все у них нормально.

Вот так сразу? Меня задело столь категоричное заявление, ведь были и сведения несколько иного плана.

– А как же сброс отходов в реку?

– Ну, конечно, – протянула Лидия Федоровна. – Они туда сбрасывают кое-какие отходы, но все это ложится на дно и оседает практически рядом с трубой, немного уходит вниз по течению, но это химически неактивные компоненты, и их процент весьма мал. У них очень хорошая очистная система, и я не думаю, что это должно вызывать какое-то беспокойство. Другое дело, наша известная на всю область ферма, которая сбрасывает в Северную большое количество навоза. Это проблема... Но ферма находится вне нашего города, вниз по течению, и это никак уже не касается жителей Верескова.

– Может быть, вы тогда сами назовете мне какие-нибудь предприятия, которые доставляют вам неприятности по работе?

– Ничем не могу помочь, – сухо ответила бабуля, семена по проселочной дороге, которую еще бог знает сколько времени не будут асфальтировать.

Конечно, ее Борис Всеволодович хорошо проинструктировал. Это было заметно: «Ничего не знаю», «У нас все хорошо», «Всего вам доброго». К такому повороту я была морально готова, так как никто не захочет выставлять свое грязное белье напоказ, но придется. А пока зайдем с другой стороны.

– Вам что-нибудь известно о случаях заболевания раком? Бессменная директриса покачала головой:

– Нет, ничего такого не слышала.

– Странно, Лидия Федоровна. Весь ваш городок только об этом и говорит, а вы ничего не слышали. Как же так?

– А так, – ответила она мне в тон. – Ничего не слышала, ничего не знаю. Воздух, чувствуете, какой чистый? Никаких у нас тут загрязнений не было и быть не может. Этот наш воздух намного лучше, чем воздух в Тарасове, например. Никто же не делает трагедии из-за того, что в Тарасове нечем дышать. А у нас – дыши, не хочу.

Диалог не клеился, и не клеился он не по моей вине. Для того чтобы расшевелить Лидию Федоровну, нужно было или время, или же некое сильное воздействие извне. И это воздействие должна была оказать не я, так как моя персона воспринималась ею в штыки, а кто-либо из близких к Лидии Федоровне людей. Мне пришла в голову мысль о том, чтобы поговорить с дочерью или с сыном директрисы. Мы подошли к детскому садику.

– Ну что ж, нет так нет.

Я приостановила этот поединок, но оставила за собой право продолжить разговор. Причем об этом я ей не сообщила. Это я делала для себя. Запомнить черноволосого, черноглазого мальчишку лет трех не составило труда. Теперь я смогу по нему выйти и на детей Лидии Федоровны. Вот такая у меня работа.

Вернувшись в гостиницу, я обнаружила на столе коробку конфет и визитную карточку. Моим таинственным дарителем оказался генеральный директор СП «Роситалпластмасса» Мирсков Геннадий Петрович.

На визитке были указаны его рабочий и домашний телефоны, что, в принципе, могло бы и пригодиться. Оборудование итальянское и стены, можно сказать, итальянские, а люди-то русские, и подход русский: приехал инспектор – не забыть проявить внимание. Ну что ж, это мне льстило. Только вот то, что без разрешения ко мне могут войти в номер, – не очень меня обрадовало.

Я не поленилась спуститься вниз и разыскать комендантшу. Ее я попросила сделать так, чтобы в мой номер без моего ведома никто никогда не заходил. Начальница заверила меня, что подобных проколов больше не будет, и попросила не сердиться. Я пообещала не точить на нее зуб и вернулась к себе, где меня ждала большая рутинная работа.

Я выложила на стол карту Верескова и список адресов, взятых в «Черном венке». После этого сняла с себя деловой костюм, надела халат, домашние тапочки и пошла готовить

кофе. Когда чашка с горячим напитком оказалась у меня в руках, я лишь от одного запаха почувствовала себя лучше.

Мне, кроме всего прочего, было с чем пить кофе. Открыла огромную коробку с конфетами и была удивлена обилием разных по форме и на вкус сладких финтифлюшек. Фабрика «Россия» ерунду не делает.

* * *

– Вы уверены, что у нас нет необходимости в замене оборудования?

Волоков сидел в огромном кожаном кресле и пил молоко.

– Нет, – ответили ему. – Мы считаем, что эта женщина не мешает нашей работе. К тому же, Дмитрий Сергеевич, вы и сами прекрасно понимаете, что на данный момент лишних средств у нас нет.

– Оставьте вопрос о средствах мне, – заметил Волоков, поглядывая на телефон, с помощью которого он и общался сейчас с абонентом. – Насколько она активна?

– Эта женщина у нас только первый день, но за это время она успела посетить главу администрации, затем была в похоронном бюро, в местной газете и на санэпидстанции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.